

За рублем — 1997, — 28 нояб. — 4 дек. — с. 14, 15

Букет терновника... для Бельмондо

«ЛИБЕРАСЬОН», ПАРИЖ.

ПОСЛЕ перерыва, вызванного съемками в новом фильме Патриса Леконта «Один шанс из двух» (с Аленом Делоном и Ванессой Пареди), Жан-Поль Бельмондо вновь выйдет на сцену театра «Варьете» в пьесе Фейдо «Блоха в ухе». Загорелый и жизнерадостный, актер выглядит так, будто только что вернулся из отпуска, проведенного где-нибудь на Карибах. Прежде чем присоединиться к коллегам по сцене, под руководством Бернара Мюра раз за разом шлифующим спектакль, Жан-Поль Бельмондо ненадолго присел передохнуть в обитой красным бархатом директорской ложе.

— *Каникулы закончились, пора в класс, не так ли?*

— Что вы, я счастлив до безумия, что снова выйду на сцену в «Блохе»! Не понимаю актеров, подписывающих контракт, скажем, на сотню спектаклей. По-моему, чем больше играешь, тем лучше понимаешь своего героя. Я вернулся в театр после 28-летнего перерыва и уж тут-то отыгрался за все! В любой пьесе, будь то «Кин» или «Сирано», я выходил на сцену по многу раз, иногда исполнял ту или иную роль в течение целого года, и всегда — с удовольствием.

— *Какое удовольствие дарит вам конкретно пьеса Фейдо?*

— Я играю в ней сразу две роли, и это восхитительно. Вот я добропорядочный, одетый с иголочки, серьезный буржуа, а минуту спустя — придурковатый пьяница, ночной сторож Пош. Для меня, всегда обожавшего кретинов, это просто подарок! Еще во время учебы в высшем театральном училище я развлекался, изображая всяких придурков. Помню, преподаватель литературы вполне серьезно считал меня слабоумным. Люди вообще с потрясающей легкостью готовы верить, что вокруг них все сплошь идиоты. Поэтому мой Пош так нравится зрителям. Я часто вижу подобных моему герою на улице. Почему-то придурковатые типы всегда ко мне тянутся. Ну, а я пользуюсь случаем и создаю на сцене их образы.

Я уже полгода отыграл в этой пьесе и надеюсь продолжить это развлечение до Рождества, после чего начну работать в новой постановке «Муж, жена и любовник Гитри», в которой будут заняты Пьер Ардити, Эвелин Буи и Бернар Мюра.

— *В фильме Патриса Леконта вы снимались с новой звездой французского кино, Ванессой Пареди. Это риск с вашей стороны?*

— Меня всю жизнь попрекали тем, что я не люблю рисковать. Впрочем, это даже смешно. Ванесса Пареди и в самом деле очень современная актриса. Часто я сравниваю кино с боксом. Так вот, она совсем не боится вступать с камерой в открытый

бой, и у нее сильный удар. Она легко может послать партнера в глубокий нокаут. Но и я не вчера родился. За мою жизнь мне довелось сниматься с самыми красивыми женщинами на свете: Джиной Лоллобриджидой, Софи Лорен, Клаудией Кардинале. Иногда с этими признанными красавицами перед камерой творились очень странные вещи, можете мне верить, я же все-таки выходил сухим из воды. Словом, я предпочитаю сниматься с Ванессой, чем с какой-нибудь старлеткой.

— *Роль директора театра кажется вам труднее?*

— Да, сегодня мы скорее в плюсе, чем в минусе, но в театре все очень быстро меняется. Как только пьеса перестает привлекать зрителя, она начинает приносить убытки. Касса пустеет, к сожалению, куда быстрее, чем наполняется. Руководство театром превращается в целый ряд вынужденных шагов. Мало раздобыть хорошую пьесу, ей надо еще обеспечить привлекательную афишу. Зрители, посещающие такие театры, как наш, первым делом смотрят на афишу.

— *Вам понадобилось стать директором театра, чтобы это понять?*

— Я всегда думал, что если публика идет «на актера», то этого вполне достаточно для успеха спектакля. Оказалось, это не так. В смысле, этого мало. Когда-то я много снимался в кино, и директор театров «Палейруаля» и «Варьете» Жан-Мишель Рузьер

постоянно держал для меня место, чтобы я мог туда вернуться. Когда я сыграл в пьесе «Кин», он прислал мне огромный букет... колючего терновника. Сегодня, когда я сам директор театра, я уже

лучше понимаю, почему он так болезненно реагировал. Впоследствии я предложил ему перенести «Кина» на его сцену, но он отказался. «Это не для нас», — сказал он. И был, конечно, прав. Это слишком громоздкая постановка для такого театра.

— *Вы не жалеете о том, что купили театр?*

— Нет, не жалею. Директору Бельмондо в случае чего всегда поможет актер Бельмондо, а свою актерскую профессию я очень люблю. Если бы мысли о сцене наводили на меня тоску, то купил бы, наверное, не театр, а бензоколонку. Я учился ремеслу, наблюдая за игрой Пьера Брассера. И единственный совет, который я бы дал студенту актерской школы: ходите и смотрите работу актеров на сцене, неважно, нравятся они вам или нет. У другого человека всегда есть чему научиться.

Помню, играл я Сирано, и вдруг у меня случился провал в памяти: забыл целый стих из знаменитой тирады про носы. Я

продолжал говорить как ни в чем не бывало, лишь вместо забытых слов говорил «та-та-та». И никто ничего не заметил. А научил меня этому именно Пьер Брассер. «Никогда не останавливайся», — говорил он. Брассер мог в любовной сцене вместо слов «Я тебя люблю» сказать «Раз, два, три», а публика оставалась в уверенности, что слышала «Я тебя люблю». Как актера меня сформировала именно эта великолепная школа, всегда рассматривающая актера и зрителя как союзников.

— *Вас считают добрым человеком. Почему же прошлой зимой вы отказались пустить на свои спектакли театральные критиков?*

— Я разослал приглашения 60 критикам. Но потом мне все-таки пришлось себе сказать: «Стоп, хватит». В моем театре 990 мест, и партер у нас не очень велик. Я же не могу посадить критика на галерку! У меня работают 14 актеров, которых я не собираюсь держать в черном теле. Я стараюсь платить им прилич-

ные деньги. Кроме того, есть еще такая вещь, как костюмы и декорации. Не подумайте, что я прибидаюсь, но должен же быть какой-то разумный предел в распространении бесплатных билетов! Да и разговоры об этом пошли потому только, что накануне в «Фигаро» появилась рецензия

Бельмондо в роли Кина.
Фото «Пари-матч», Париж.

Фредерика Фернея на наш спектакль, в которой наряду с лестными словами оказалось немало и язвительных. Может быть, кто-то решил, что я обиделся на эту критику? На мой взгляд, произошло простое недоразумение.

— *Значит, вы никогда ни на кого не злитесь?*

— Мне бы и в голову никогда не пришло запрещать кому бы то ни было критиковать то, что я делаю. Я работаю в кино и театре 40 лет. Кому-то я нравлюсь, кому-то нет. К счастью, хороших отзывов о себе я слышал гораздо больше, чем плохих, иначе, наверное, давно бы сменил занятие. Свое отношение к критике я определил очень давно, еще в театральной школе. Выпускной экзамен у нас длился несколько дней. В первый день я показывал отрывок из «Проделок Скапена». Критик Жан-Жак Готье написал про меня: «Бельмондо вообще не актер. Это просто шут гороховый, второй Морис Шевалье». На следующий день я играл в сцене из «Любви и фортепиано» Фейдо, и тот же самый критик написал: «Во всей Высшей театральной школе есть лишь один настоящий актер. Это Жан-Поль Бельмондо». С той поры, читая критические статьи, от которых кровь бросается в голову, я всегда вспоминаю этот пример. Мы же не можем помешать людям сводить свои счета.

И, уж конечно, я не собираюсь «мстить» критикам. Пусть Фредерик Ферней меня не боится. Если мы случайно столкнемся на улице, я не стану устраивать мордобой...